

Путинский рецидив тоталитаризма

На волне искусственно вызванного патриотического подъема возник новый феномен — консервативная реконсолидация общества вокруг власти | **ЛЕВ ГУДКОВ**

Как писал Юрий Левада, когда те или иные события приводят общество в возбужденное состояние, в массовом сознании открываются глубинные пласты, внутренние структуры, которые в обычном спокойном состоянии стерты или не видны.

Именно такие процессы происходят сегодня в российском обществе; именно они определяют базовые установки по отношению к власти, а значит, и типы жизненных стратегий населения, включая и способы адаптации к репрессивному государству. Любые сценарии эволюции российского общества должны учитывать принципиальное изменение социально-политической ситуации в России, наступившее после Евромайдана и аннексии Крыма. Политика российского руководства, стремящегося не допустить кардинальных изменений в политическом развитии Украины — создания правового демократического государства и его интеграции с Европой — приобрела особый характер: провоцируя и поддерживая всеми средствами мятежи пророссийских сепаратистов, угрожая прямым военным вторжением на юго-восточные территории Украины, путинский режим пытается дестабилизировать общее положение в этой стране, парализовать функционирование слабого украинского государства и тем самым удерживать Украину в зоне своего влияния. Неизбежная

негативная реакция на это международного сообщества — санкции, частичная изоляция России — с точки зрения российского руководства, оказываются меньшим злом, чем перспектива ухода самой большой из оставшихся постсоветских республик и расширение самого правового пространства демократических государств (а значит, — сокращение сферы посттоталитарного пространства) ¹.

Смысл этой политики становится понятным, если учесть нарастающую слабость путинского режима, падение доверия и массовой поддержки власти, которые обозначились вскоре после экономического кризиса 2008–2009 годов. Наиболее ярко они выразились в антипутинских акциях и демонстрациях протеста 2011–2012-го. Грандиозная по масштабам и затратам кампания национальной мобилизации — сочинская Олимпиада — хотя и приостановила падение рейтинга Путина, но не дала желаемого эффекта. В этой ситуации прецедент народного восстания против коррумпированного режима Виктора Януковича и резкое изменение политической системы и стратегического курса Украины осознавались в Кремле как не просто неприемлемые, а как крайне опасные, несущие с собой смертельную угрозу для российского режима ².

Полтора месяца интенсивной антиукраинской пропаганды, экстраординарной по

своей агрессивности, активировали, казалось, было уснувшие стереотипы и мифы великодержавного сознания³. На волне искусственно вызванного патриотического подъема возник новый феномен — консервативная реконсолидация общества вокруг власти⁴ (см. рисунки 1 и 2). Действия российского режима в Крыму получили практически всеобщее одобрение населения России (их поддерживают и одобряют от 80 до 88 проц., осуждают — от 7 до 13 процентов). Степень поддержки свидетельствует о практически тотальном единстве — ситуация, крайне

государственного переворота контроль над парламентом и правительством получили радикальные и асоциальные элементы — нацисты, фашисты, бандеровцы, антисемиты, бандиты, криминальные группировки; возник вакуум власти, социальный и политический хаос, повлекший за собой угрозу жизни и благополучию русского (русскоязычного) населения. Такая экстраординарная ситуация, утверждает официальная пропаганда, потребовала от российского руководства обратиться к чрезвычайным мерам для защиты русскоязычного населения в Украине,

“Действенность пропаганды связана с навязываемым имморализмом в трактовках событий и освобождением от сознания коллективной ответственности”.

редко фиксируемая в социологических исследованиях. Подобное состояние возникает только тогда, когда затронуты самые важные для всего коллективного целого символические моменты, такие как угроза его существованию или равнозначные ей.

Кажется, что общественный консенсус в стране восстановлен, но восстановлен на основе чисто реакционной политики и апелляции к символам и ценностям имперского — советского или даже досоветского — прошлого. При этом экономические оценки благосостояния семьи или ожидания положения дел в ближайшем будущем если и изменились, то незначительно. Иначе говоря, уровень частной повседневной жизни и символический план «Россия как мировая держава» в массовом сознании разведены.

Массовые выступления протеста против коррумпированного режима Януковича кремлевская пропаганда объявила результатом происков Запада, заговором против России, цель которого — ослабление российского влияния на постсоветском пространстве. Следующим шагом стал тезис: вследствие

введения войск на украинскую территорию (в Крым). И, наконец, последний аргумент пропаганды: дело не только в защите «своих», а в возвращении Россией «исконно русских территорий». Именно это воспринималось как «исторический поворот» русской политики — от распада империи к ее восстановлению, «собираению земель».

Такими последовательными сдвигами достигался перенос интерпретации происходящего от мотивов протестующих, их стремления к правовому и демократическому государству (жить как в «нормальных странах», «как в Европе») в план символической геополитики, «русофобии», традиционной мифологии вечного противостояния России и Запада. А значит, устранялись основания для слишком явных параллелей с собственно путинской плутократией и административным произволом.

Пропаганда не выдвинула никаких идей и образов будущего⁵. Действенность ее проистекает из навязываемого имморализма в трактовках событий и освобождения от сознания коллективной ответственности по

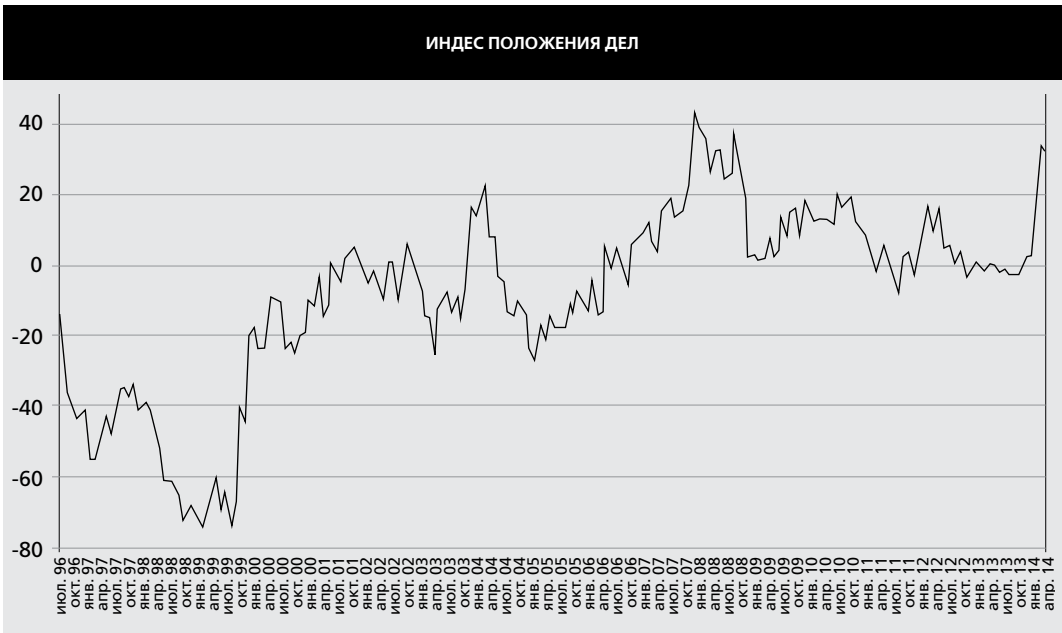
отношению к гражданам соседних стран, с отказом принимать во внимание мотивы и ценности других людей, то есть с утверждением принципа силы в отношениях с другими. В юридическом плане это означало полное пренебрежение национально-государственным суверенитетом других стран, то есть отрицание значимости принципов и норм права, в данном случае — современного международного права и подписанных международных соглашений.

Нынешний взрыв общественного энтузиазма заставляет вспомнить стремительное и радикальное изменение состояния общества и взлет массовых надежд, оптимизма, иллюзий осенью 1999 года (см. совпадение характера кривых на рис. 1 и 2). Тогда на фоне глубокого социального, экономического и морального кризиса появление нового и решительного руководителя страны, подавшего себя обществу в качестве жесткого автори-

тарного национального лидера, произвело огромное впечатление на население и резко повысило общий тонус социальной жизни. Все показатели социальных настроений стремительно пошли вверх, несмотря на то что экономическая ситуация на тот момент оставалась по-прежнему очень плохой.

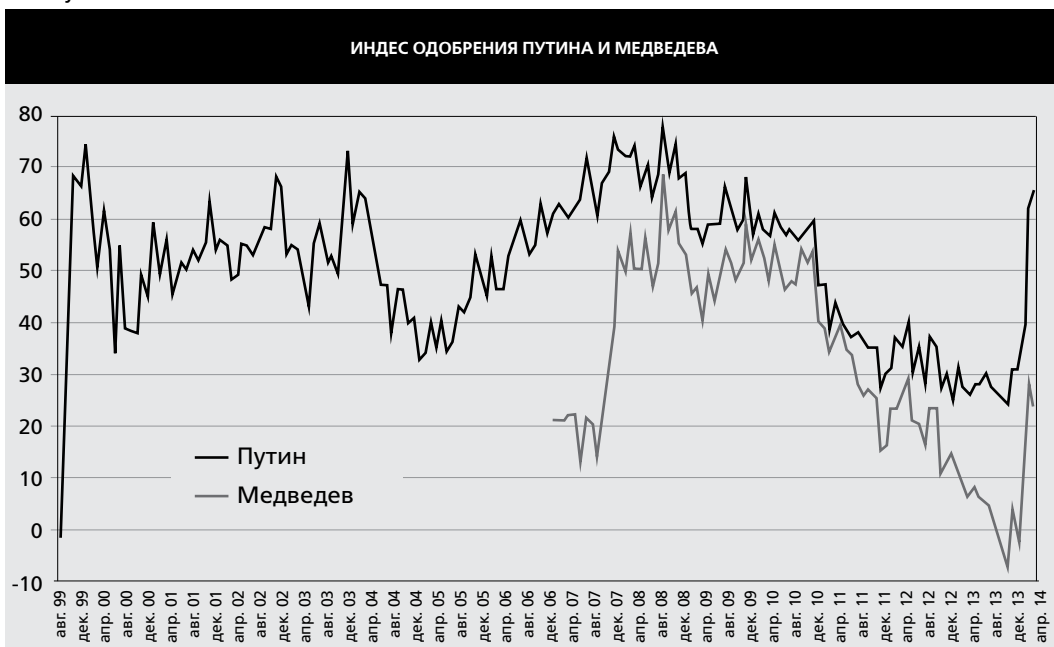
На первый взгляд события на Украине и реакция на них Кремля — явления неожиданные и недоступные для прогнозирования. Однако дело не столько в иррациональности российской политики и общественного отклика на нее, сколько в идеологических установках самих либеральных аналитиков, блокирующих восприятие нежелательных фактов и тем самым — понимание эволюции политической системы России, когда ее тренд расходится с их ожиданиями⁶. Такие установки предопределяют слишком короткий горизонт рассмотрения явлений, устанавливая в качестве реперной точки

Рисунок 1

Индекс рассчитывается как разница положительных и отрицательных ответов на вопрос: «Как Вы считаете, страна движется в правильном направлении или страна движется по неверному пути?».

Рисунок 2

Индексы строятся как разность одобряющих и не одобряющих действия Владимира Путина и Дмитрия Медведева

отсчета возможный крах авторитарного режима Путина. В рамках такой установки, только «уход Путина» открывает мысленные возможности для продолжения российской модернизации. Однако этот «бог из машины» скрывает проблему слабых оснований или ресурсов для социальных изменений. Такой подход к прогнозируемому будущему (даже если это сценарные модели) имеет неустрашимо телеологический характер, в основе его лежит однозначная и линейная логика транзитологии и рецептурная «практическая политология». Восприятие текущих событий при этом оказывается очень избирательным.

Чтобы разобраться в произошедшем повороте российского общества, необходимо исходить из позиции, историзирующей актуальную ситуацию. Мы имеем дело с незавершенным процессом распада СССР и, соответственно, сохранением в институциональной системе современной России струк-

тур, которые были частью тоталитарной системы, структур, влияющих на воспроизводство советских представлений о природе российского государства, об отношениях власти и общества, значимых для большей части населения России. Понятно, что эти представления уже не существуют в своем «чистом виде», они являются контаминацией позднесоветских массовых установок и мифов с постсоветскими взглядами и отношениями, но в данном случае важно, что они актуализируются пропагандой или особыми, например, кризисными, обстоятельствами жизни.

Последствия «украинской политики» российского руководства еще не вполне ясны. Но, принимая во внимание контекст нынешней законодательной работы кремлевской администрации, уже сейчас можно говорить о том, что имеют место периодически возобновляемые попытки возвращения

к идеологии и практике позднего советского времени. Причины подобных возвратных тенденций обусловлены неоднородностью постсоветской институциональной системы, соединяющей в себе практически не изменившиеся структуры власти (не контролируемые обществом), а также институты, на которые режим Путина опирается. Эти институты — политическая полиция, спецслужбы, следственные и правоохранные органы, зависимый от администрации президента суд, региональные органы управ-

специализированные группы, претендующие на автономию: интеллектуальную, научную и культурную элиту, бизнес, интернет, организации гражданского общества. Но тем самым он обрекает себя не только на радикальное сокращение идеологической базы — символических ресурсов легитимации авторитарного господства, но и в более дальней перспективе — подрывает свою социальную базу: снижение человеческого потенциала тянет за собой стагнацию экономики и рост социального недовольства. Взаимосвязь этих

“Персоналистский режим вынужден в интересах самосохранения подавлять специализированные группы, претендующие на автономию”.

ления, государственный сектор экономики, науки, образования, культуры, с одной стороны, а с другой — далеко ушедшие от советских форм институциональной организации малый и средний бизнес, массовая культура, коммуникации, прежде всего — интернет и социальные сети, потребительское поведение и т. п. Именно эти сферы общественной жизни, которые пытаются эмансипироваться от власти, становятся сегодня объектом все более строгой и принудительной бюрократической регламентации (война за общественную мораль, за правильные, патриотически выдержанные трактовки истории и политики властей и проч.). Сохранение контроля над усложняющейся общественной жизнью дается правящему режиму все с большим трудом, поскольку социальная диверсификация и усложнение общества, процессы структурно-функциональной дифференциации вызывают эрозию действующей системы господства, на которую режим реагирует все более однообразно: ужесточением репрессий и усилением идеологического контроля и цензуры. Персоналистский режим вынужден в интересах самосохранения все сильнее подавлять

факторов понятна: усиливающаяся примитивность власти (а значит, очевидная неэффективность управления) требует расширения репрессивных практик управления.

В этом смысле без Украины путинский режим начнет разваливаться. Весь смысл нынешней политики дестабилизации Украины заключается в том, чтобы дискредитировать силы демократической национальной консолидации и любым образом перенести недовольство российского населения с коррумпированной бюрократии на сторонников права, демократии и европеизации. Задача не просто в том, чтобы создать защитный кордон («Евразийский союз») против «экспансии» демократии и европейских ценностей, но и представить устрашающий пример свержения авторитарного и клептократического режима. Последнее, как источник социальной дезорганизации, больше всего пугает российское население, фрустрированное процессами распада институтов в 1990-е годы.

Учитывать этот институциональный контекст необходимо потому, что общество, само по себе подвергаемое бюрократической

кастрации и принуждению, сохраняющее генетическую связь с советской системой, не является и не может быть субъектом действия в отношениях с не контролируемой им властью. Последовательно проводимая администрацией Путина с 2002 года политика ужесточения репрессивной системы господства и директивного управления за 10–12 лет стерилизовала сферу политики и свободного выражения мнений по общественно значимым вопросам, оставив большую часть населения России без средств рационализации своих проблем и артикуляции групповых

шие выборы на всех уровнях управляемыми. В идеологическом плане важно отметить помпезное празднование шестидесятилетия Победы в Великой Отечественной войне, которое растянулось на целый год (2004–2005) и превратилось в идеологическую кампанию патриотической проработки населения, коллективной мобилизации, регулярного проведения государственных церемониалов — с тем, чтобы стимулировать возрождение «национального самосознания», создать множество симулякров коллективной памяти и ритуалов коммеморации.

“В сознании населения по-прежнему в качестве утраченного и уже недостижимого идеала сохраняется представление о советской **распределительной системе**”.

интересов⁷. Разорвав связи между инновационными и специализированными группами интересов, власти свели к нулю потенциал саморазвития общества в целом, задвинув общественную проблематику в условия «кухонных» принципиально дилетантских, дискуссий в интернете.

Отечественной политологией (в отличие от политической журналистики) не принимается в расчет кумулятивный эффект разнообразных изменений, которые путинский режим производил все эти годы. Их отчет им следует вести с установления монопольного контроля над СМИ с наиболее массовой аудиторией, в первую очередь — над телевидением⁸, и превращения СМИ в главный инструмент пропаганды, формирования и манипулирования общественным мнением. Заметными вехами на этом пути были вторая чеченская война⁹ и административная реформа (введение федеральных округов, отмена выборности губернаторов, устранившая связи региональной и местной власти с населением и привязавшая местные власти к президентской администрации), сделав-

После первого процесса над Ходорковским и установления жесткого контроля над крупными финансово-промышленными группировками, их сращения с высшим эшелонами власти (прежде всего с близким президенту кругом выходцев из КГБ) процесс приватизации в экономике был развернут в противоположном направлении — существенно выросла доля экономики, находящейся под контролем государства¹⁰, прямым (в виде госкорпораций) или опосредованным. Заметно усилилась (особенно в провинции) активность спецслужб после целого ряда «шпионских процессов», пронизывающих все системы исполнительной власти, во всех сферах управления — от правоохранительных органов или ключевых отраслей экономики до культуры и образования.

Страх перед «заразой» демократических революций стал причиной все более заметного (особенно после 2007 года, с мюнхенской речи Путина) разворота российской политики в сторону конфронтации с Западом и попыток создания под эгидой России своего рода санитарного кордона из союза госу-

дарств-сателлитов, бывших республик СССР. Такая политика требовала дискредитации прежних идеологических установок (сближение с Западом, «Европа — наш общий дом», принятие универсальных ценностей — законности, прав человека, гуманности, ограничения насилия и т. п.) и, напротив, замещения их имитационным традиционализмом (навязывание населению православия, почитания прошлого, сакрализация ВОВ, а вместе с ней — запрет на критику сталинского руководства, перерастающий в полный иммунитет власти от каких-либо негативных оценок и сомнений). Постепенная и усиливающаяся дискредитация либерализма сопровождалась все более навязчивым соединением государственнической идеологии со средневековым православием РПЦ, стремившейся подчинить общество своему влиянию.

Речь не идет о тотальной идеологизации, какая была во времена СССР. У нынешних держателей контрольного пакета власти — выходцев из КГБ, сотрудников политической полиции, по определению, проникнутых сознанием своей исключительности, экстраординарности своего статуса по отношению к праву и суду, нет и быть не может никакого другого запаса легитимационных представлений, кроме обломков или остатков идеологических конструкций брежневского времени¹¹. Режим не нуждается в контроле над умами поданных, ему достаточно принудить население к пассивности и лояльности.

Реакцией на демагогию властей оказывается не только формирование массовых негативных установок к оппозиции, США, странам Балтии, Западу в целом или теперь — к Украине, но и к самой власти. Показатели общественного отношения к основным государственным институтам на протяжении последнего десятилетия сохраняют устойчиво негативные значения: за исключением президента, церкви, ФСБ и армии, деятельность всех остальных орга-

нов государственной власти (Думы, полиции, суда, прокуратуры, местных властей) оценивается обществом преимущественно отрицательно¹². И это при том, что уровень жизни населения, несомненно, рос на протяжении всех 2000-х. Само устройство государственной системы, социальный порядок в современной России население считает несправедливыми, то есть лишенными важнейшей характеристики — патерналистской заботы власти о населении (под которой понимается главным образом уравнительное распределение, бесплатная медицина, образование, социальное обеспечение, поддержание социальной инфраструктуры, жилищно-коммунальное обслуживание и т. п.). То, что государство сняло с себя значительную часть социальных обязательств, вызывает стойкое недовольство населения, в сознании которого по-прежнему в качестве утраченного и уже недостижимого идеала сохраняется представление о советской распределительной системе. Люди не могут понять, почему при таких доходах от экспорта нефти и газа государство стремится раз за разом переложить на население все большую часть социальных расходов. Общий вывод, который при этом делает коллективный разум, сводится к тривиальной мысли: власть работает на саму себя, те, у кого сегодня в руках инструменты принуждения и управления, заинтересованы исключительно в собственном обогащении и сохранении собственных позиций, удержании (рисунок 3).

На фоне хронического недовольства правительством особый резонанс имели все более частые коррупционные скандалы в высшем эшелоне власти. Палал не только рейтинг высшего руководства — шел процесс делегитимации всей политической системы, ассоциируемой с именем Путина. Однозначно негативно сегодня оценивается сам политический класс России. Подавляя свободную политическую конкуренцию и

Таблица 1

КАКОЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ О РУКОВОДСТВЕ СТРАНЫ БЛИЖЕ ВСЕГО К ВАШЕЙ ТОЧКЕ ЗРЕНИЯ?	
Руководство — это особая группа людей, элита, которая живет только своими интересами; до нас им нет дела	26
Люди, которых мы выбираем в органы власти, быстро забывают о наших заботах, не учитывают в своей работе интересы народа	60
Наши органы власти — народные, у них те же интересы, что и у простых людей	8
Затрудняюсь ответить	6

Декабрь 2007, N=1600

конкурентные выборы, путинский режим привел к тому, что политические и правовые институты стали восприниматься обществом как механизмы негативного отбора, специфической селекции циников, карьеристов и людей, свободных от морали, но лояльных власти (см. таблицу 5).

Представление о коррупции и полном разложении государства захватывает все группы населения. Долгое время подозрения в коррупции и злоупотреблениях не затрагивало

высший уровень власти и самого президента, но после массовых демонстраций протеста в крупнейших городах в 2011–2012 годах, докладов, подготовленных оппозиционными политиками и самым живым образом обсуждаемых в социальных сетях и интернете, представление об аморальности власти стали распространяться также и на Путина. Падение доверия к президенту и правительству, которое наблюдалось с августа 2008 года (пика популярности Владимира Путина, когда

Рисунок 3

его деятельность одобряли 87 проц. россиян), продолжалось вплоть до декабря 2013 года (см. рисунок 2).

Если либеральная часть общества ориентирована на Запад, то для основной массы населения фокус идентичности лежит в «прошлом». Для советских людей восприятие себя в качестве подданных империи — самой мощной в военном смысле и колоссальной по масштабу территории («...нас раньше все боялись и уважали») — служила важнейшим средством компенсации бедности, жалкой частной повседневной жизни, пронизанной сознанием зависимости от начальства и хронического состояния униженности, беспомощности, невозможности отстаивать свои права и интересы. Широко распространенная ностальгия по советскому прошлому является языком, на котором артикулируется критическое отношение к настоящему¹³. Идея, что мы подданные великой державы, оказывается гораздо более значимой для поддержания национальной идентичности, чем кажется на первый взгляд. Она играет фундаментальную роль в массовом самовосприятии, даже в форме констатации утраты («... у нас была великая страна»). Величие империи, расширявшейся за счет колониальных завоеваний, является несомненной ценностью в сознании российского населения, вне зависимости от того, каким образом это

«величие» достигнуто — рыночными преобразованиями или реставрацией элементов советского тоталитаризма, возвращением к традициям и ко всему комплексу «патриотической политики». «Крым-то — наш!»

Недовольство действующей властью не меняет самой структуры массового сознания и не ведет к усилению либеральных и демократических убеждений и взглядов, поскольку в его основе — разочарование от того, что не реализуются патерналистские иллюзии, навешанные остатками советской идеологии «заботы партии и правительства о народе». Это недовольство не может быть выражено напрямую в политических акциях или выборах, а потому принимает косвенную форму — критики власти за утрату «национального величия». Сфера публичности, где могли бы идти общественные дискуссии о способах решения социальных проблем, включая деятельность независимых СМИ, сфера политики (в широком смысле), оказываются полностью стерилизованными в результате последовательной репрессивной и охранительной политики режима. Диффузное и не находящее выхода раздражение и напряжение оборачиваются эрозией коллективных представлений, распространением общего аморализма и цинизма, а оборотной стороной этого сознания оказывается проекция враждебности окружающего мира. Доля

Таблица 2

ЧЬИ ИНТЕРЕСЫ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ПРИНИМАЕТ ВО ВНИМАНИЕ РОССИЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО, ОПРЕДЕЛЯЯ СТРУКТУРУ БЮДЖЕТА И ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСХОДОВ?	
Интересы обычных людей, таких как я	6
Интересы богатых и влиятельных групп и кланов	37
Интересы силовых ведомств (армии, ФСБ, полиции)	18
Интересы тех ведомств и организаций, от которых зависит будущее нашего народа, его благополучие и безопасность — медицина, образование, социальное обеспечение, пенсионный фонд и т. п.	11
Интересы ведомств, защищающих статус России как великой державы — космоса, науки, внешней политики и т. п.	7
Затрудняюсь ответить	21

Июль 2012, N=1600

Таблица 3

КАК БЫ ВЫ МОГЛИ ОХАРАКТЕРИЗОВАТЬ НЫНЕШНЮЮ ВЛАСТЬ?	
Действующая в собственных интересах	35
Воровская и мафиозная	27
Слабая и неуверенная в себе	16
Демократическая, правовая	14
Авторитарная и репрессивная	13
Наглая и беззащитная	11
Профессиональная и компетентная	11
Сильная и уверенная в себе	10
Разумная и дальновидная	8
Справедливая, близкая к народу	2
Затрудняюсь ответить	11
Отношение позитивных (демократичная, компетентная, сильная, дальновидная, справедливая) и негативных (эгоистичная, мафиозная, авторитарная, репрессивная, наглая, слабая) суждений	0.4

Апрель 2013, N=1600 (в % от числа опрошенных).

утвердительных ответов на вопрос: «Есть ли враги у нашей страны?», — поднялась с 13 проц. в 1989-м до 78 проц. в 2013-м. В обществе заметно усилились агрессивная ксенофобия и антирежимный национализм, упрекающий действующую власть в пренебрежении или даже предательстве национальных интересов русского большинства¹⁴.

Массовые патерналистские настроения — оправдание собственной социальной пассивности, беспомощности, аполитичности и иждивенчества, зависимости и хронического гражданского унижения — неотделимы от идеологии великой державы с ее центральным символом (Победа в ВОВ), от милитаризма (героического прошлого страны),

оправдания силы и насилия. По существу, это лишь разные стороны или развороты одного и того же комплекса представлений, образующего основу массовой национальной идентичности: значения коллективного целого, единства могут быть выражены и пережиты лишь в формах насилия (по отношению к своим согражданам или к другим). Это — «дедовщина», но только в масштабах всего коллективного целого. Поэтому эрозия конкретных институтов патернализма вызывает сильнейшую фрустрацию коллективного сознания, проявляющегося как чувство национального унижения, стыда, несправедливости, поражения. В ситуации захвата Крыма волны патриотической и великодержавной

Таблица 4

	ЧТО, НА ВАШ ВЗГЛЯД, БОЛЕЕ ВАЖНО ДЛЯ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ СТОЯТ СЕЙЧАС У ВЛАСТИ: ПРОЦВЕТАНИЕ СТРАНЫ ИЛИ СОХРАНЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ СОБСТВЕННОЙ ВЛАСТИ?				
	2006 II	2010 II	2012 I	2013 I	2014 IV
Процветание страны	16	27	28	26	35
Сохранение и укрепление собственной власти	72	60	59	62	52
Затрудняюсь ответить	12	14	14	12	13

В проц. к числу опрошенных, N=1600

пропаганды отодвинули на второй план весь либеральный критицизм и социальное недовольство и переключили агрессию на «бандеровцев»¹⁵.

Фантазмы солидарности – в ситуации распада или разложения государственных структур (поверхностный уровень интеграции) за неимением «общества» как типа социальной организации – указывают на редукцию к системам понижающей адаптации. Подобная адаптация представляет собой преимущественную тактику приспособления к репрессивному государству и административному произволу, массового конформизма и оппортунизма интеллигенции.

Фрустрация, вызываемая действием этих механизмов, чаще скрывается, табуируется и плохо или с трудом осознается. Все-таки речь идет о ломке и подавлении ценностей частной жизни, личного достоинства, морали. Поэтому на поверхности общественного внимания эти проблемы возникают лишь в виде симптомов массовых комплексов, обозначенных утрированной и навязчивой демонстрацией символов державности, имперскости и милитаризма (георгиевские ленточки, надписи на машинах, почти всегда иномарках, «На Берлин!», «Спасибо деду за Победу!» и т. п.) или нацистской маскулинности футбольных фанатов («Быть рус-

Таблица 5

КАКИЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ЧЕРТ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО ХАРАКТЕРНЫ ДЛЯ БОЛЬШИНСТВА СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ?	
Стремление к власти, не гнушаясь самыми грязными средствами	44
Корыстолюбие	41
Неуважение к рядовым гражданам	37
Пренебрежение к законам	36
Бесчестность, непорядочность	30
Безнравственность	27
Непрофессионализм	23
Нелюбовь к России	12
Скудоумие	11
Высокий интеллект	9
Высокий профессионализм	9
Высокие волевые качества	8
Безволие	7
Любовь к России	6
Честность, порядочность	4
Желание получить власть только честным демократическим путем	3
Уважение к рядовым гражданам	3
Бескорыстие	2
Строгое соблюдение законов	2
Высокая нравственность	1
Атеизм	1
Вера в Бога	1
Затруднялись ответить	12

Январь 2014, N=1600, ответы ранжированы

ским — гордо!»). Другими словами, значения коллективной идентичности (великая страна, самая большая территория, героическое прошлое, Победа в войне, ракетно-ядерное превосходство и мощь) нерасторжимо связаны с насилием и принуждением (как по отношению к «своим», внутри страны, так и к «чужим» — другим странам-колониям, входившим в состав СССР или «соцлагерь»). Поэтому переживания национального величия и патриотической гордости за страну одновременно сопровождаются наступлением этической глухоты, тупости и подавле-

вого патриотизма. Семантический переход от спокойного состояния к возбужденному обусловлен тем, что более или менее конкретные причины и мотивы социальных и политических противоречий и конфликтов постепенно замещаются мифологическими, приобретают все более архаический вид борьбы «людей» («своих») с хтоническими силами зла или асоциальными чудовищами.

Психологический механизм этого «самозавода» заключается в том, что при подобной редукции массы испытывают колоссальное облегчение от сброса обременяющих мораль-

“Поднятый пропагандой всплеск патриотических сантиментов у населения России одновременно сочетается с открытой и завистливой враждебностью к Западу”.

ния эмпатии и сочувствия по отношению к другим. В качестве «других» могут выступать как собственные сограждане, попавшие под каток репрессивной или военной машины (будь то сталинские репрессии или чеченцы, терроризируемые федералами или кадыровцами, *Pussy Riot* или осужденные по «болотному делу»), так и население других стран, подвергшихся насилию со стороны России, — граждане Чехословакии, прибалты, финны, венгры, поляки, а теперь и украинцы.

Поднятый пропагандой всплеск патриотических сантиментов у населения России одновременно сочетается с открытой и завистливой враждебностью к Западу. Последний в коллективном сознании всегда выступает в амбивалентном виде: как утопия или идеализация всего того, что хотели бы иметь в себе и у себя сами россияне, и как завистливый и рессантиментный образ «другого», негативная проекция самих себя, по схеме — «...зелен виноград». Антизападная агрессия и неприязнь в наши дни быстро приобрела иррациональный и истерический характер по мере повышения градуса массо-

ных и ценностных обязательств, ассоциируемых с Западом. В «нормальных», западных, странах, как полагает абсолютное большинство населения, не просто выше уровень жизни, а сама жизнь и социальный порядок устроены «по-человечески», более справедливо, чем в России, выше социальная защита населения и взаимная солидарность, существует строгая ответственность власти перед обществом и т. п. Чувство освобождения от «морали», от давящих идеальных требований соответствовать более высоким представлениям о человеке, обществе, гуманности, наступающее после патриотических порывов коллективного и национального единства, схоже с истерикой, поскольку при этом разряжаются все травмирующее массовое сознание комплексы собственной неполноценности, ущемленности, отсталости и злобности. Только давая выход своей агрессии против «Запада», «америкосов», «бандеровцев», «фашистов», «киевской хунты» и т. п., массовое сознание достигает переживания высоких чувств родства со своими, братского единения.

Таблица 6

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ВИНОВЕН ЛИ ВЛАДИМИР ПУТИН В ТЕХ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ ВЛАСТЬЮ, В КОТОРЫХ ОБВИНЯЮТ ЕГО ПРОТИВНИКИ?			
	2012 Апрель	2012 Декабрь	2013 Август
Несомненно виновен, об этом говорит множество фактов, приводимых в интернете и в свободных СМИ	16	11	10
Наверное да, как и все высокопоставленные чиновники, но я мало об этом знаю, не слежу за этим	32	37	42
Даже если это и правда, важнее то, что страна при нем стала жить лучше	25	14	18
Чтобы ни говорили, я не верю в то, что Путин когда-либо злоупотреблял властью	11	15	13
Затруднились ответить	16	23	17

N=1600

Медленный некроз советской коллективной идентичности не мог быть компенсирован выработкой новых ценностных, политических, моральных представлений, поскольку, начиная с конца 1990-х годов (с установления путинского авторитаризма), шло непрерывное давление власти на те потенциально элитные группы, от которых зависит выработка новых, несоветских идей, образцов, символов. Таким образом, приходится заключать, что именно институты принуждения и репрессий (а не представительские, правовые, рыночные, культурные) по-прежнему являются системообразующими и символическими структурами режима того типа, каким является российский

«путинизм». В более общем виде управление через произвольное и не контролируемое обществом принуждение принимает формы все более интенсивной регламентирующей бюрократической деятельности, результат которой – паралич процессов и механизмов самоорганизации общества, подавление его разнообразия, сокращения пространства возможностей, предприимчивости, активности для индивидов и, соответственно, упрощения, обеднения социальной структуры.

Такой тип ретроориентированной политики позволял эксплуатировать массовые фобии, комплексы национальной неполноценности, обострившиеся из-за травмы распада прежнего государства, обеспечивая

Таблица 7

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЕСТЬ ВРАГИ У НАШЕГО НАРОДА, НАШЕЙ СТРАНЫ?				
	1989 декабрь *	1994 март	2011 январь	2014 март
Наша страна окружена врагами со всех сторон	4	7	18	26
Самые опасные враги — скрытые, внутренние	23	16	28	20
У народа, ставшего на путь возрождения, всегда найдутся враги	17	12	21	30
Зачем искать врагов, когда корень зла — в собственных ошибках	48	45	19	17
Затруднились ответить	14	20	14	7
Число опрошенных	1500	4000	1600	1600

* в 1989 году в ходе опроса использовалась методика самозаполнения респондентом анкеты (в дальнейшем Центр перешел на интервью), респонденты в некоторых случаях указывали более одного варианта ответа (поэтому сумма всех ответов здесь — 106 проц.)

Таблица 8

КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫЗЫВАЕТ У ВАС РЕШЕНИЕ РУКОВОДСТВА РОССИИ О ПРИСОЕДИНЕНИИ КРЫМА К РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ?		
	март	апрель
Чувство торжества справедливости	31	30
Гордость за страну	34	38
Радость	19	23
Одобрение	47	46
Неодобрение	3	3
Протест, возмущение	0,5	0,3
Стыд, отчаянье	0,2	0,3
Тревогу, страх	3	3
Никаких особых чувств	7	11
Затрудняюсь ответить	1	2

2014 год, N=1600, в проц. к числу опрошенных

достаточную легитимацию «путинизма». Этого символического ресурса вполне хватало до тех пор, пока не случился финансовый кризис 2008—2009 годов, подорвавший веру населения в способность властей обеспечивать повышение жизненного уровня. Вера восстановилась после «правильных действий» в Украине, возвращения России к ее традиционной роли «великой державы».

Дискредитация оппонентов Кремля обеспечивает не только разрыв с новыми символическими планами, которые утверждает оппозиция, пытаясь вписать Россию в мировое сообщество с его нормами и ценностями. Более существенно для кремлевских идеологов и политтехнологов то, что дискредитация

оппонентов обеспечивает сохранение массового убеждения во всеобщем аморализме политиков, включая новых претендентов на власть, навязывания населению представлений о безальтернативности правящей элиты, что и является сегодня основным идеологическим ресурсом авторитарного режима¹⁶. Отчуждение массы от политики сохраняет патерналистские иллюзии (и то, и другое образуют единый комплекс массовых представлений), а невозможность вообразить другое будущее, кроме повторения настоящего, служит дополнительным оправданием существующего порядка («нормативность фактического»).

В этом плане внутренний и как будто частный конфликт руководства страны и НКО

Таблица 9

КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, ЛИЧНО ВЫ, ВАША СЕМЬЯ ВЫИГРАЛИ ИЛИ ПРОИГРАЛИ ОТ ПЕРЕМЕН, КОТОРЫЕ ПРОИСХОДЯТ В СТРАНЕ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ?										
	1999 декабрь	2000 ноябрь	2005 декабрь	2006 декабрь	2007 декабрь	2008 апрель	2009 декабрь	2010 октябрь	2011 сентябрь	
Выиграли	10	20	22	22	29	36	23	19	29	
Проиграли	74	70	57	57	41	37	50	51	50	
Затрудняюсь ответить	16	10	21	21	30	27	27	30	21	

N=1600

(а также серия новых репрессивных законов: «Димы Яковлева», об «иностранцах-агентах», о «государственной измене», теперь о запрете на призывы к сепаратизму и недопустимости «реабилитации нацизма» и проч.) приобретает принципиальный и симптоматичный характер, ставя под вопрос статус России как «цивилизованной страны», то есть угрожая ей клеймом «государства-изгоя». Принятые законы (и тем более практика их применения) нарушают основополагающие принципы послевоенного мира, строящегося на

в ряде выступлений и статей председателя Конституционного суда Валерия Зорькина, акцентировавшего суверенитет российского законодательства над международным правом и подписанными Россией европейскими конвенциями. Утверждение приоритетности отечественного законодательства над международным в этом случае эквивалентно провозглашению диктатуры.

Рост социального недовольства в 2011–2013-х обернулся не «революцией» и сменой режима, а редукцией общества к пред-

“Невозможность вообразить другое будущее, кроме повторения настоящего, служит дополнительным оправданием существующего порядка”.

базе учета опыта тоталитарных режимов и совершенных ими преступлений против человечества: в основе базовых международных конвенций лежит постулат о приоритетности прав человека как гарантий против преступления государства, номинально обладающего правом легитимного применения силы. Память о последствиях неправовых законов (например, нацистских расовых законов 1935 года или фашистских 1938 года), принятых тоталитарными режимами с формальной юридической точки зрения вполне корректно, заставила европейские страны признать ограниченность национальных суверенитетов по отношению к международному праву.

Для путинского режима такое ограничение суверенитета оказывается сущностно неприемлемым. Уже за год-полтора до украинских событий российские власти объявили о готовности перейти границу правовых норм и принципов, объединяющих развитые страны в сообщество «цивилизованных государств», добровольно принимающих на себя правовые обязательства. Об этом многократно заявляли депутаты Госдумы, но наиболее ярко эти тезисы были сформулированы

существующим идеологическим стадиям и возвращением к более простым структурам отношений власти и общества. Этот вывод и положен в основу настоящего сценарного прогноза.

В авторитарных социально-политических системах накопление социального напряжения не ведет к увеличению потенциала развития (усиления структурно-функциональной дифференциации), накоплению человеческого капитала, мотивации и выраженного стремления общества к изменению политической системы (то есть к повышению собственной активности, участию в деятельности оппозиционных партий или организаций гражданского общества). Социальное напряжение имеет совершенно иные последствия: оно приводит к упрощению идеологической картины реальности и нейтрализации или смещению социального недовольства в другие сферы (например, агрессии против «либерастов», Запада, всех чужих и «не-своих» или ставших таковыми), переводу его в другие формы легитимации власти.

Антимайдановская пропаганда (экстраординарная по своей интенсивности и характеру) привела общество в сверхвозбужденное состояние. Актуализированы все ранее спящие или латентные национальные комплексы и мифы, образующие структуру коллективной идентичности, то есть массового российского сознания. Сочетание воображаемых и реальных угроз и «достижений» (восстановление статуса «великой державы», возвращение России к традиционной имперской роли) вывело общество из состояния равновесия, рутинного существования, переключив восприятие происходящего в чисто символический план. Это крайне важное обстоятельство для понимания: не просто традиционалистская риторика или элементы консервативной идеологии, а именно выведение восприятия событий в символическую плоскость значений коллективного целого, национального единства, противостояния свои/чужие. Только такое переключение (включение других институтов) дает стимулы для массовой мобилизации и перевода общества в особое состояние консолидации и «готовности к войне». Механизмы массовой негативной мобилизации (почти исключительно через систему телевизионной пропаганды) актуализируют старые конспирологические представления о происках внешних и враждебных сил (в данном случае «отторжение Западом Украины от России»). Планы интеграции Украины с ЕС разрушают весь путинский проект реконструкции России как «великой державы» — создания на постсоветском пространстве блока постсоветских государств под российской эгидой. Неважно, как он будет называться — СНГ или «Евразийский союз», «Таможенный союз» и т. п., важно, что это будет объединение авторитарных режимов, возникших после распада тоталитарного СССР. Отвлекаясь от символического или скорее психоаналитического планов подобных мечтаний советских чекистов и

функционеров, ставших диктаторами, отметим лишь функциональный смысл такого проекта. Подобный союз предназначен для того, чтобы блокировать разлагающее эти режимы влияние идей и институциональных практик западноевропейской демократии (либерализма, правового государства, конституирующего значения прав человека), то есть играть роль, с одной стороны, санитарного кордона вокруг России, а с другой — ресурсной базы для единой автаркической системы экономики, подчиненной общим целям удержания политического господства (отсюда вся официозная демагогия вокруг сюжетов: «Россия — особая цивилизация», «Особый путь развития России» и прочее). Главная задача — противостояние Западу, что имплицитно предполагает отказ от признания культурного, морального превосходства развитых западных стран (продуктом которого и является высокоразвитая экономика), соответственно, отказ от идей модернизации (= вестернизации), настаивание на «многополярности мира» (изоляциялизм) и требования признать приоритет национального права, ограниченную значимость международных конвенций (и соответственно, условность международного права).

По сути дела, мы имеем «аборт» национального развития (очередную фазу abortивной модернизации). Возвращение к консервативной, охранительной диктатуре, успех которой определяется ее возможностями стерилизовать растущее социальное, культурное, экономическое многообразие общества, его коммуникативной структуры, а тем самым — ограничение или понижение человеческого потенциала. Такой поворот не случаен, он вытекает из логики эволюции авторитарного режима, сталкивающегося с последствиями своего правления и порожденных ими проблем (падением поддержки, ростом социального напряжения и недовольства из-за сокращения социальных расходов, массовы-

ми протестами в мегаполисах). Ослабление легитимности, как показывает опыт других авторитарных режимов, во многих случаях ведет не к реформам и демократизации, а к диктатуре, по меньшей мере, — к попыткам ее установления. Именно такую траекторию движения мы видим у путинизма после осенней «рокировки» 2011 года. Кремлевская политика провокаций беспорядков и раскола Украины закрепляют эти тенденции, но уже в виде тупикового национального нарциссизма. Концентрация негативных трендов эволюции России — скатывание к черносотенной идеологии, православному мракобесию, антизападничеству и антилиберализму ведет к отторжению от мировых процессов и гарантирует следующему поколению состояние рессантиментной самоизоляции.

Основной сценарий должен исходить из посылки, что «Путин надолго». Не только до 2018-го, но и до 2024 года. Хотя поднятая патриотическая волна через полгода спадет, обеспеченная ею массовая поддержка Путина позволит режиму надолго законсервировать настоящую ситуацию, используя весь репрессивный аппарат органов госбезопасности, суда, прокуратуры, а также и институты массовой социализации и обработки общественного мнения — СМИ, систему образования и культуры, церковь. Наиболее вероятные последствия этой политики — усиление геронтократии, сокращение вертикальной

мобильности, негативная селекция кадров управления, а также архаизация массового сознания. Приоритет политики над экономикой, подчинение ее целям сохранения режима и финансово-полицейского контроля над экономикой в руках правящих кланов рано или поздно вызовет если не острый кризис, то, во всяком случае, автаркию экономики, характерную для мобилизационных режимов, слабость, а затем — и паралич общероссийского рынка; в отдаленной перспективе — полный крах национального хозяйства. Либерально настроенные группы будут вытеснены в эмиграцию (за рубеж или внутреннюю) и лишены средств какого-либо воздействия на моральное состояние общества; они обречены на состояние интеллектуальной протрации или эпигонство западных идей и культурных образцов (но с принципиальным запаздыванием и бесплодием). Конец (отдаленный, через десять лет) — национальная катастрофа и деградация. Но также нет сомнения в том, что концентрация цинизма и некомпетентности в ключевых точках политики и государственного управления вызовет через поколение — у детей нынешней молодежи — радикальный протест и неприятие оппортунизма ныне живущих, который может привести к некоторым изменениям системы, но только в том случае, если выводы из сегодняшней ситуации будут сделаны уже сегодня. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Цинический расчет на то, что западные страны ограничатся лишь возмущенными декларациями, которые можно не воспринимать всерьез, на то, что наглость и решительность в геополитических играх эквивалентны силе, — характерный стиль мышления тоталитарных и авторитарных диктатур. Каждая уступка им со стороны международного сообщества лишь подтверждает подобные установки. Исключение СССР

из Лиги наций в декабре 1939 года после нападения на Финляндию и радикальное ухудшение имиджа России после войны с Грузией не останавливали ни Сталина, ни Путина от дальнейших шагов в реализации своей политической стратегии.

² Противодействие демократизации в соседних странах, бывших частью СССР, и их освобождению от советского наследия — часть стратегической программы Путина, которую он проводит со вре-

мени «цветных революций» в Грузии и Украине и вступления стран Балтии в ЕС и НАТО. — см.: *Общественное мнение 2013: Ежегодник Левада-Центра*, М., 2013. С. 219, табл. 21.8; с. 207, график 20.2 и с. 213, график 20.3.

³ Для понимания эффективности пропаганды следует принимать во внимание практически полное — добровольное — отключение абсолютного большинства населения от альтернативных источников информации и интерпретации украинских событий. Для 94 проц. опрошенных главным каналом сведений об этих событиях является российское ТВ, интернет выступает в качестве значимого (но не альтернативного) канала для 16 проц. опрошенных, социальные сети — для 9 процентов. См. Пресс-выпуск Левада-Центра от 12 мая 2014 (<http://www.levada.ru/12-05-2014/rossiyane-ob-ovshchenii-ukrainskikh-sobyti-i-sanktsiyakh>).

⁴ Показатели протестных настроений, готовности к участию в митингах или демонстрациях с политическими лозунгами и протестами сегодня находятся на самом низком уровне за все время измерений.

⁵ Это обстоятельство указывает на то, что отсутствуют механизмы, позволяющие поставить политические цели развития; отсутствует собственно даже такая задача, если не считать таковой перевооружение армии или отстаивание геополитических интересов, возвращение на международную арену в роли супердержавы.

⁶ Нельзя сказать, что предупреждения о возможности тоталитарного рецидива или негативных сценариях будущего не появлялись раньше. Суждения в духе «и вам в России предстоит столкнуться с явлениями “лукашенизации режима”» не раз высказывались белорусскими социологами и политологами (после разгона оппозиционных демонстраций на последних президентских «выборах»), ныне живущими в Литве, Польше, России, Европе, но уже не в Белоруссии. Но они, как правило, воспринимались как явное преувеличение со стороны тех, кто пострадал от собственного диктатора.

⁷ Достаточно сравнить объемы аудиторий негосударственных газет и радиостанций (независимые ТВ практически исчезли зимой этого года) с аудиториями ведущих федеральных каналов ТВ, чтобы понять несоизмеримость влияния на население тех и других: Первый, Второй каналы и НТВ охватывают от 90 до 70 проц. (в последнем случае) насе-

ления (то есть от 90 до 110 млн зрителей); у «Новой газеты», «Ведомостей», «Эха Москвы» — совокупная еженедельная аудитория (включая посетителей сайта) составляет 6–7 млн максимум, преимущественно это Москва и крупнейшие города.

⁸ Имеет смысл также учитывать смену собственников в ведущих медиахолдингах, включая и интернет-издания, олигархами из ближайшего окружения Путина — процесс, который продолжается и до настоящего времени, а также — отключение под разными предлогами влиятельных независимых каналов и сайтов.

⁹ Именно в ходе второй чеченской войны и была впервые в постсоветское время установлена цензура на ТВ.

¹⁰ По оценке агентства Блумберг, в России на господприятия приходится более 50 процентов ВВП — в 1999-м их доля составляла 30 процентов (<http://www.bloomberg.com/news/2014-01-29/putin-uses-oil-giant-rosneft-to-tighten-grip-on-economy.html>); отношение доли госрасходов в ВВП России к доле госсектора в общей занятости увеличилось с 0.69 (1999) до 1.32 (2009) и 1.29 (2012) — рассчитано по: *Российский статистический ежегодник. Статистический сборник. 2013. М.: Росстат, 2013: Табл. 1.1 и 12.2.*

¹¹ До Горбачёва, поскольку последний ассоциируется с программой реформирования страны, выхода из изоляции, сближения с Западом.

¹² *Общественное мнение — 2013*. С. 85 и далее, графики 8.1.1–8.1.2, табл. 8.1.1.

¹³ В своей мягкой форме патернализм (государственническая идеология) сохраняется даже в среде городского класса мегаполисов, который формируется под влиянием рыночных реформ и предшествующих институциональных изменений. Под моральным протестом оппозиции, неприятием авторитаризма, зажима прессы и т. п. скрывается смесь из социал-демократических установок, либеральных идей, имперского наследия, которая накладывается на слой советских государственно-традиционалистских предстателей о России как Великой державе и о ее героическом прошлом. Гордость за великую Россию здесь сочетается со стыдом за жалкое положение, в котором находится сегодня страна.

¹⁴ Как показывают социологические исследования Левада-Центра, к осени 2013-го показатели ксенофобии и этнонациональной неприязни достигли максимума за все время наблюдений. В октябре

2013-го 62 проц. опрошенных заявили, что в России в настоящее время возможны кровопролитные столкновения на национальной почве (в ноябре 2009-го такие ответы давали лишь 23 проц.), 43 проц. респондентов подтвердили, что там, где они живут, усиливается межнациональная напряженность. Причем рост этой ксенофобии вызван не какими-то внешними причинами, например, резким увеличением конфликтов с приезжими, а внутренним состоянием населения. 63 проц. россиян поддерживают лозунг «Россия для русских», 71 проц. — «хватит кормить Кавказ». Примечательно, что более выраженные ксенофобские реакции обнаруживают те группы, которые еще несколько лет назад отличались низким уровнем агрессии — высокообразованные респонденты, жители Москвы и мегаполисов, чиновники, специалисты и т. п.

¹⁵ Соотношение позитивных и негативных реакций на присоединение Крыма составляет 18:1 в марте, 20:1 в апреле. Готовность признать законным и оправдать присоединение Крыма настолько велико, что всякие иные версии происходящего априорно отвергаются, информация отечественных СМИ абсолютным большинством принимается в качестве «правильной» и «объективной» (при том, что «разбираются в происходящем» на Украине, по их собственному признанию, меньшая часть опрошенных — 43 проц. в марте, 35 проц. в апреле; «не разбираются», соответственно, 55 и 62 процентов. Зарубежные СМИ — страстны и необъективны (так считают 66 проц. опрошенных россиян), хотя с представляемой ими информации практически никто не знаком. Характерно, что на патриотическую пропаганду

и политику Путина в Украине с большей эйфорией, раньше других и быстрее всего откликнулась «индустриальная Россия» (в категориях Натальи Зубаревич, «Россия 1»), а поддержка ее была сильнее в крайних социальных группах — в среде самых обеспеченных (аффилированных с властью или коррумпированных ею) и самых бедных и обделенных, испытывающих сильнейший социальный рессантимент по отношению к обеспеченным и успешным представителям среднего класса. Именно в этих слоях особенно сильна потребность в подтверждении легитимности власти и — обратным светом — в утверждении своего национального статуса. При разных обоснованиях потребность в компенсаторном патриотизме у этих двух групп ощущается наиболее остро.

¹⁶ См. пресс-выпуск Левада-Центра: <http://www.levada.ru/15-10-2013/putin-v-obshchestvennom-nenii-do-i-posle-politicheskoi-rokirovki> от 15 октября 2013 года, табл. 4 «Мотивы голосования за Путина». Главные причины того, почему люди голосуют за нынешнего президента, сводятся к патерналистским иллюзиям и искусственной безальтернативности («люди надеются, что Путин в дальнейшем сможет справиться с проблемами страны» — доля подобных ответов практически не менялась на протяжении десятилетия — в среднем составляя 38 проц. на протяжении 2001–2013 годов; «люди не видят, за кого еще можно было бы проголосовать» — 36 проц. в среднем за тот же период). Вариант: «люди убедились, что Путин успешно и достойно справляется с решением проблем страны» набирал 14–15 проц., за исключением 2007 года (тогда он составил 33 процента).